

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №7 2023 ГАЗЕТА

Дмитрий Воронин / Праведники

ВОРОНИН Дмитрий Павлович

родился в 1961 году в г. Клайпеда Литовской ССР. Сельский учитель. Член Союза писателей России. Автор четырех книг прозы. Лауреат премии А.Куприна. Лауреат губернаторской премии «Признание». Лауреат издания «День Литературы» (Москва), лауреат 1 премии конкурса «Защитим правду о Победе» газеты «Литературная Россия».

Публикации более чем в 60 «толстых» литературных журналах России и Ближнего Зарубежья в том числе: «Роман-газета», «Нева», «Наш современник», «Молодая Гвардия», «Москва», «Север», «Подъем», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Огни Кузбасса», «Сура», «Аврора», «Гостиный двор», «Бийский вестник», «Дальний Восток», «Петровский мост».

Участник более 60 альманахов и прозаических сборников в России и за рубежом. Проживает в п. Тишино Калининградской области.

«Там есть портал в иные измерения...»

Международный литературный фестиваль-конкурс «Русский Гофман», посвященный творческому литературному наследию Эрнста Теодора Амадея Гофмана, проводится в Калининградской области с 2016 года. В настоящее время это один из самых крупных литературных фестивалей Российской Федерации. Фестиваль вызывает большой интерес у писателей и поэтов России, ближнего и дальнего зарубежья. За семь лет существования конкурса в нем приняли участие авторы из 46 стран мира. Участники представили на суд жюри более 5000 работ в четырех номинациях: проза, поэзия, публицистика и сказочная проза.

Проект осуществляется Региональной общественной организацией писателей Калининградской области (в составе Союза российских писателей), администрацией муниципального образования «Черняховский муниципальный округ», при информационной поддержке «Литературной газеты» (Москва), журнала «Нева» (Санкт-Петербург) и журнала «Балтика» (Калининград). Основатели и организаторы фестиваля-конкурса калининградские писатели Борис

Бартфельд, Дмитрий Воронин и Игорь Ерофеев.

В культурную программу конкурса-фестиваля входят: мастер-классы, семинары, лекции, литературные чтения, творческие встречи с читателями, круглые столы, поэтические турниры, концерты и экскурсии. Закрытие фестиваля и награждение победителей номинаций проходит в Черняховске (ранее Инстербург), в замке Инстербург, непосредственно связанном с именем великого Эрнста Гофмана.

Оценивает работы конкурсантов профессиональное жюри, воз-

главляемое Натальей Гранцевой — главным редактором журнала «Нева» и Владимиром Шемшученко — известным поэтом и бардом из Санкт-Петербурга.

Лауреатами и дипломантами «Русского Гофмана» в разные годы становились известные российские литераторы: Евгений Чигрин, Владислав Бахревский, Николай Шамсутдинов, Павел Кренев, Камилл Зиганшин, Полина Орынянская, Геннадий Прашкевич, Евгений Эрастов, Михаил Попов, Екатерина Полянская, Лола Звонарева и др.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2023
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2023 №7 /1924/ Основана в 1927 г.

Дмитрий Воронин

Праведники

Рассказы

ГИБЛОЕ МЕСТО

Известный на всю страну модный художник-портретист Миколас Самсонавас отправился в творческую поездку по Нечерноземью. Богемная столичная жизнь последних десяти лет почти полностью опустошила Миколаса, заставляя его всё чаще и чаще менять свои волшебные кисти на бокал вина или рюмку водки. Да и от картин, которые Миколас всё же время от времени писал, удовольствия не получалось.

«Вся жизнь — дерьмо, — жаловался он по пьяни своим очередным собутыльникам. — Не то всё, не так. Одни рожи лишь рисую. А в них только жадность да подлость, гнусность да пошлость, тупость да жлобство. Ни капли человеческого, сплошь рога, копыта и мерзкие ухмылки. Один бесконечный мелодраматический триллер. Уехать бы куда, на лица нормальные посмотреть, на завалинке поутру посидеть, пепухов послушать, молока парного испить вместо этой водки проклятой, будь она неладна!»

И вот ехал Миколас в купейном вагоне, потягивал потихонечку коньячок и любовался в окно сменяющимися друг друга пейзажами. Сердце художника радостно стучало в такт железнодорожному перестуку, наполняя Миколаса чудесными предчувствиями.

«Боже, какой я дурак, какой дурак, что двадцать лет проковырялся в этом столичном дерьме! Столько времени зря убил, — думал Самсонавас. — Нет, нет, больше и за сто миллионов меня назад не затянешь. Только туда, вперёд, к народу, к истинной Руси, к корням, в глубинку! Там черпать самое лучшее, самое благородное, самое одухотворённое! И свою душу лечить, лечить и лечить. И Бога молить о прощении. В церквушке какой-нибудь самой захудалой. И чтоб без помпы и красотей, а понастоящему лбом оземь, и с батюшкой-подвижником. С беседами с ним философскими за чашечкой чая да с баранками. Ах, красота!»

С такими благостными думами и уснул Миколас Самсонавас, откинувшись на стенку купе.

В областном центре встречали художника с цветами и хлебом-солью девушки в сарафанах. Местная элита счастливо улыбалась приезду знаменитого гостя, нахваливая его незаурядный дар и великие успехи.

— Миколас, ваши портреты, они такие, такие! Они — как Джоконда да Винчи и квадрат Малевича в одном лице и даже лучше! — придыхала перед Самсонавасом

моложавая жена губернатора. — Я как их увидела, так в их и влюбилась без памяти с первого взгляда и до конца. Я так надеюсь в мечтах, что и моё скромное лицо ляжет красками на холст в портрете от вашей гениальной руки с кистями. И мои дети тоже в мечтах, даже в школу не ходят, всё ждут вашего приезда и позирования. А уж Матвей Гаврилович, муж мой, так он просто бредит вашими картинами. Он и в Эрмитаж в Кремле ходит, когда в Москве в гостях у президента бывает. Придёт в Эрмитаж, встанет перед картиной и любителю на неё с наслаждением. Вы ведь, Миколас, президента в натуре рисовали, у нас говорят? Как он вам в натуре показался? Великий человек?

«Бред, — тряхнул головой Самсонавас, пытаюсь избавиться от наваждения, — дурдом похлеще московского! Видать, от приёма не избавишься. Поём — и сразу же в глубинку, подальше от этого невежества».

На вечернем приёме Миколас Самсонавас пил, ел и выслушивал всякие глупости.

— Вы, Миколас, Литвинову рисовали? Как она вам в обнажении? — пыталась Самсонаваса толстая жена начальника областной милиции. — Говорят, тоща, как скелетина, и еле ходит от диеты.

— А правда, что у Пугачёвой груди из накладного силикона и каждая по восемь килограммов веса? — интересовалась плоскогрудая владелица местных супермаркетов.

— У нас тут спор меж своими возник, что Церетели Петра Первого с Лужкова слепил, — чокнулся с Миколасом бокалом с шампанским губернатор. — А некоторые прямо указывают на Грызлова. Ты к кому склоняешься?

— А вы к кому?

— Хитёр, брат, на мякине не проведёшь, — погрозил пальцем Самсонавасу губернатор. — Вот что значит столичная закваска!

— Нам тут сказывали, что вы голову Ленина для Зюганова в Мавзолее спозировали, — нервно дёрнул художника за рукав лидер областных коммунистов.

— Для чего? — От неожиданности Миколас расплескал полфужера коньяка.

— Для истории. Ну, и как она?

— Кто?

— Голова.

— Мёртвая, — разозлился Миколас глупейшему вопросу, — мертвее не бывает.

— Ну да, ну да, мы, в общем-то, так это и предполагали, — спрятался за многочисленные спины коммунист.

— А что, были сомнения? — прокричал вслед ему Самсонавас.

— Не обращай на него внимания, они уже в прошлом, — приобнял за плечи Миколаса местный банкир, увлекая его за собой на балкон. — А нам бы с тобой о будущем перетереть.

— В каком смысле?

— В смысле вложений. У нас тут как бы кризис небольшой наметился, так вот хочу узнать напрямую, с первых, так сказать, уст. Твои картинки что, действительно бабок стоят? Или это всё туфта?

— Ну, стоят, наверное, раз покупают.

— Ты мне не винти, ты мне как на духу, как перед папой скажи, стоят или нет? — пыхнул сигарным дымом в лицо художнику банкир.

— Стоят, стоят, — поморщился от бандитской выходки Миколас.

— Ну, смотри, не обмани, — фамильярно похлопал по плечу Самсонаваса банкир. — Мы тут с пацанами решили в тебя вложиться. В Москве уже кое-что прикупили и здесь, надеюсь, прикупим. Ты же сюда рисовать приехал?

— Ну да, — кивнул Миколас.

— Так и давай рисуй. Вон сколько мурла вокруг крутится. Мы с пацанами всё скупим, что нарисуешь. Если там краски, кисти, бумага нужна, ты говори сразу, не тушуйся — всё привезем, хоть весь склад лакокрасочных изделий.

— Спасибо, конечно, но я здесь задерживаться не хотел бы, у меня другие планы.

— Это какие? — нахмурился банкир.

— Хочу в глубинку проехать, поближе к народу, там найти новые сюжеты.

— Ты чё, охренел? — ругнулся банкир. — Кто ж тебе за обыкновенных колхозников платить будет? Они ж не стоят ничего. А тут вон золотое дно, от губернатора до прокурора.

— Шедевры не от званий зависят.

— А от чего?

— От мастерства, — тяжело вздохнул Миколас. — Шишкина знаешь?

— Ну, — согласно кивнул банкир. — Про медведей у него и про рожь.

— Во-во. А людей ты там видел на его картинах?

— Нет, не видел.

— Вот видишь, у него на полотнах один лес, и стóит он побольше, чем любой из моих портретов.

— А-а-а, — задумчиво согласился банкир.

— Вот тебе и «а-а-а». Потому и в глубинку хочу. Понял?

— Теперь понял.

— Ну, а если понял, избавь меня от этих рож и отвези куда-нибудь подальше от цивилизации.

— Договорились, завтра с утра будь готов.

На следующее утро крутой внедорожник увозил художника на север всё дальше и дальше от областного центра.

— Куда теперь, начальник? — поинтересовался водитель, промчавшись мимо очередного городка. — Дальше скоро другая область, а мне туда без пахана въезд заказан.

— Через пару километров поворот на Шишку, не пропусти, — ещё раз взглянул на карту Самсонавас.

— Что за Шишка такая? Не слышал ни разу, — пожал плечами водитель.

— Судя по карте, километров сорок к северу от трассы будет.

— А дорога какая?

— А чего тебе дорога? — похлопал по панели Миколаас. — У тебя такой танк, он и без дороги запросто пройдёт.

— Не скажи. Пахан, знаешь, за каждую царапину спросит.

— Не бойсь, за всё заплачено, — усмехнулся художник.

Свернув с магистрали, внедорожник ещё километров десять катил по асфальту, потом столько же по просёлку и оставшиеся километры — по совершеннейшему бездорожью.

— Может, заблудились? — занервничал водитель, потеряв терпение. — Чёрт знает, как тут ориентироваться, — всё бурьяном заросло, едем почти на ощупь. Да и наши поговаривали, что места в этой стороне гиблые.

— Да нет, всё нормально, вон и изба на взгорке виднеется, — указал вперёд Миколаас.

У покосившегося, потемневшего от времени деревянного дома, обнесённого полуистлевшим штакетником, сидел сморщенный сторбленный дед, одетый, несмотря на августовский тёплый день, в зимнюю шапку-ушанку, старую издёрганную фуфайку, ватные штаны и валенки.

— Не жарко, папаша? — обратился к нему Миколаас. — Не рано ль зиму встречаешь?

— Она у нас и не кончалась, сынок, — беззубо улыбнулся старик.

— А это что? — повёл рукой вокруг Миколаас, указывая на разнотравье.

— А этоть видямость, обманка, — хихикнул дедок.

— Да чё ты с ним базаришь, — встрял в разговор водитель. — Не видишь, нажратый с утра и бредит. Ты, дед, лучше спой, как до Шишков нам добраться.

— И петь тута нечаго, вы ить ужо в Шишках.

Водитель оглянулся кругом, но, кроме дедовой избы, никаких построек не обнаружил.

— Чё ты дуру гонишь, чё гонишь! — набылчился он на старика. — Где Шишки, показывай!

— Так ить где? — не испугался сурового взгляда старик и махнул ладонью в сторону. — Вязде. Тут Шишки, и за энтим оврагом Шишки. В них Гнат Шишков жавёт. И за тем перелеском Шишки. Тамоть Агафа Шишкова с Авдотой Шишковой жавуть. А за тем вона полем, вона на холме крыша видается, тамоть Кириян, мой брательник, жавёт с жаною Марусей, и тожа в Шишках. Ну, а тамоть, откудать вы приехали, тамоть Петка и Федка жавуть, тоже брательники, из трахуристов, безжённые. И у них Шишки. Так какие вам надоть?

— Офигеть! — вылупил глаза на деда водитель.

— Папаша, — чуть подумав, обратился Миколаас к старику. — Я в отпуск приехал из Москвы, хотел месяца три-четыре у вас тут пожить, отдохнуть, сил набраться, ну и поработать. Не подскажете, у кого на постое остановиться? Я заплачу.

— Из Москвы, скаживаешь? — прищурился старик, оценивая Самсонаваса. — Так ить подумкать надоть. Ежели в Шишки к Петке и Федке, так ить пьют и мордобитствуют. Не пойдешь?

— Не пойду, — улыбнулся Миколаас.

— Ну, и правда. А ежели к брательнику мому Кирияну, так ить пьёт и мордобитствует. А ишо Маруску равнуить. Не пойдешь?

— Не-а, — еле сдерживая смех, закрутил головой Миколаас.

— Ну, и правда. Тогдаты, получатся, к Гнату Шишкову. Он самогонщик справной, тожа пьёт и мордобитствует. Не пойдешь?

— Нет, не пойду, — расхохотался Самсонавас. — А Авдота с Агафой тоже пьют, наверное, и мордобитствуют?

— Ну не так, как Петка с Федкой, всё жа они бабы, — хитро прищурился дедок. — Но оцарапать можуть хужа кошки.

— А ещё кто в округе живёт? Или всех назвал? — вмешался в разговор водитель.

— Чё ж не жить, жавуть. И кум жавёт, Гавря Шишков, и кума жавёт, Нинеля Шишкова, и в других Шишках Минька жавёт.

— Тоже Шишков? — давился от смеха Миколаас.

— Ясно дело.

— И тоже пьёт и мордобитствует?

— Ясно дело.

— Получается, ты один не пьёшь, наверное, и по характеру паинька?

— Ясно дело.

— Так, может, мне у тебя и расположиться на постой? — подмигнул Миколаас водителю.

— Ясно дело.

— Ну, так и быть, остаюсь, — протянул старику руку художник. — Я — Миколаас Самсонавас.

— Лях, што ли? — Глаза старика хищно блеснули.

— Нет, литовец по отцу, а так русский.

— Ну-ну. А ентот хто будет? — обратился дед в сторону водителя. — Не шведец ли?

— Сам ты шведец, — обиделся водитель. — Я, вообще, русский украинец с Казахстана. Мои предки, казаки вольные, Запорожскую Сечь создавали. Слышал о такой? И имя мое Мирон. Усёк?

— Ну да, ну да, — согласно закивал головой старик. — А меня Козимой прозвали.

— А по отчеству? — спросил Миколаас.

— А по батюшке Силыч.

— Кузьма Силыч, значит?

— Ага, ага. Козима Силыч.

— Ну, ладно, Кузьма Силыч, показывай свои хоромы.

Пройдя через сени, Миколас с водителем попали в просторную кухню с огромной русской печью. Кузьма Силыч пересек её и отдернул занавеску, скрывавшую небольшую комнатку, в одном углу которой стояла железная панцирная кровать, заправленная лоскутным одеялом, а в другом — старая этажерка и шкаф. Рядом с кроватью притулилась кривоногая табуретка.

— Вот здесь и жави. Устроить? — обратился к Миколасу Кузьма Силыч.

— Устроит, — вошёл в комнату Самсонавас и повернулся к водителю. — Звони своему шефу, что всё в порядке, место нашли, и завтра я приступаю к работе.

Водитель поднёс мобильник к уху, дождался ответа и стал докладывать хозяину обстановку.

— Чагой-то он, молится? — зашептал старик, показывая пальцем на Мирона.

— Звонит, — усмехнулся Миколас.

— Гдей-тошь звонюць? Не слахать, — приложил к уху ладонь дед.

— Да нет, это он звонит, начальству своему.

— Кудыць?

— Начальству.

— Так ить чем?

— Что чем?

— Звонить чем?

— А-а-а, — заулыбался Миколас. — Мобильником, дед. Штука вон у него в руке такая, на коробок спичечный смахивает, телефон современный.

— Идишь, — отмахнулся от Миколаса Кузьма Силыч. — А то я талафону не знаю.

— Нет, правда-правда, хочешь послушать?

— Идишь, буду ашо. Што я, малой — голову дурить? Талафон со шнуром и трубою, — обидчиво надудя старик и, развернувшись, вышел из комнаты.

Водитель тоже закончил разговор по мобильнику.

— Ну что, всё доложил? — поинтересовался Миколас.

— Да-а-а, — удручённо почесал затылок Мирон.

— Случилось что?

— Пахан приказал при тебе оставаться.

— Что значит «приказал»? — разозлился Самсонавас. — Вот ещё новость! Не нужен ты мне. Поезжай домой — и точка.

— Не, не могу, — покачал головой Мирон. — Пахан приказал.

— Дай мне трубку, я сам с ним поговорю, — протянул руку Миколас.

— Не, не могу, батарейка села, подзарядить надо бы.

— Ну так заряжай, чего ждешь?

— А вот смотрю кругом и ни одной розетки не вижу. И ламп нигде нет.

Миколас тоже внимательно обвёл взглядом комнатку, но ничего электрического не обнаружил. Выйдя в кухню, он поднял голову к потолку. Люстры там не было.

— Кузьма Силыч, — растерянно посмотрел на деда художник, — а розетки-то где?

— А нетути.

— Как — нету?

— А так, нетути и нетути. А пошто их держать, коли и света нетути.

— Как так и света нетути? — перешёл на дедовский лексикон Миколас.

— А вот так. Как Петка с Федкой все проводы со столбцов сняли годов эдак десять назад, так и жавём без лактричества.

— Ни фига себе! — присвистнул Мирон. — И чё, вы, получается, и телик не смотрите?

— Талавизор, што ль? — переспросил Кузьма Силыч.

— Ну да.

— Дык, у мини яго отродясь не было.

— Счастливый человек, — с завистью вздохнул Миколас.

— Какой счастливый? — возмутился Мирон. — Это же дурдом какой-то. Как же можно без телика жить. Я б повесился через неделю. Ни «Кривое зеркало», ни «Поле чудес» не посмотреть. Дикость какая-то. Этим Петьке с Федькой головы надо пооткручивать.

— Не. Нельзя, — не согласился Кузьма Силыч. — Хто тогдаты по муку, по соль да по шпишки ездить нам будить? Окромья Петки и Федки некому. Трахтур токмо у их имеется. А то и кафеток кады привезуть.

— Слышь, художник, поехали отсюда, пока не стемнело, — повернулся Мирон к Миколасу. — Там на трассе деревень куча. В них и свет есть, и телевизор.

— Не-а, — улыбнулся в ответ Миколас. — Мне это в самый раз подходит, самое то для творчества. Никакой цивилизации.

— Не понял? — изумлённо уставился на художника Мирон. — Ты чё, тут хочешь остаться? В этой дыре?

— Ну да.

— Подожди-подожди, а мне-то что делать?

— Домой езжай, я ж тебе говорил.

— Нельзя мне домой, за тобой приказано при-сматривать, — сник как-то сразу Мирон и умоляюще обратился к Миколасу: — А может, передумаешь, а?

— Нет, — твёрдо ответил художник. — Ты, Мирон, ехал бы. Не можешь домой, остановись у кого-нибудь в райцентре, будешь оттуда ко мне наезжать.

— Правда? — ожил Мирон.

— Правда.

— Точно, блин, — хлопнул себя по бритой башке Мирон, вспомнив о чём-то. — Так я поеду, а то там Петросян скоро.

— Езжай, я тут и без тебя справлюсь.

После отъезда Мирона Миколас перетащил свои вещи в комнатку, достал из привезённого с собой

ящика бутылку с коньяком, вышел на крыльцо и подсел на ступеньки к курившему самосад деду.

— Ну что, Кузьма Силыч, а не распить ли нам за знакомство бутылочку коньячка?

— А давай, — согласился дед. — Токма бражничать тут на дворе будем, а то в дому скоро стемнеет, мимоть рта как быть не пронести.

— Ну, на улице так на улице, — довольно потёр руки Миколас и мечтательно произнёс: — Хоть на закат полюбуюсь, сто лет его не видел, да, может, наконец-то картину настоящую напишу.

— Дык, полюбуйся, полюбуйся, мабуть, и напишешь, — пыхнул козьей ножкой старик.

И вот, когда уже почти затух закат и была уговорена бутылочка коньяка, вдали раздалось прерывистое тарактение.

— Это что? — прислушался к странному звуку Самсонавас.

— А-а, енто Петка с Федкой на трахтуре едут. Видать, гдей-тойть каросину добыли.

Через минут пять во двор Силыча вкатился допотопный драндулет, отдалённо напоминающий трактор «Беларусь», выпустил облако вонючего дыма и обречённо заглох. Из покорёженной кабины, когда-то синего цвета, а сейчас сплошь покрытой ржавыми проплешинами, кряхтя, спустились два одинаковых кражистых низкорослых бородача в замызганных телогрейках, в штанах-галифе военного покроя и кирзачах. Пошатываясь, они подошли к костерку, у которого беседовали Миколас со стариком.

— Здоров будешь, Козима Силыч, — снял кепку перед хозяином один из близнецов.

— И тебе здорову быть, Петка.

— Здоров будешь, Козима Силыч, — снял кепку и второй близнец.

— И тебе тож здорову быть, Федка.

— Подсести могём до огоньку? — сел к костру первый брат.

— Дык, сел ужо.

— И то верно, — согласился, усаживаясь, Федька.

Минуты две у костра стояла тишина, которую нарушил вздох Петьки:

— У тебя, Козима Силыч, сказывают, гость объявился?

— А хто сказывает?

— Дык, ходют слухи, — ответил Петька.

— А-а-а, — кивнул старик.

Над костром снова повисла тишина. Миколас с любопытством и удивлением рассматривал двух братьев, которые будто и не замечали его присутствия.

— Говорят, ажно с самой Москвы, — нарушил затянувшееся молчание второй брат. — И будто лях?

— А хто говорить? — повернул к нему голову старик.

— Дык, ходют слухи, — ответил Федька.

— А-а-а.

И опять над костром повисло молчание.

— Познакомил бы, — через несколько минут оторвал от костра взгляд Петька.

— Дык, я не супротив, токмо вот знакомка у вас исть али как? — растянул губы в хитрой улыбке Кузьма Силыч.

— А как жа! Чё мы, не русские люди без знакомки по дворам шастат? — оживился Петька и повернулся к заулыбавшемуся брату. — А ну-ка, Федка, слётай мигом к трахтуру, достань там знакомку.

Федька тут же вскочил на ноги, будто только этого и ждал. Вскоре на траву опустилась трёхлитровая банка, наполненная мутноватой жидкостью.

— Кряпка? — облизнулся старик.

— Забижаешь, — нахмурился Петька. — Крепче столишной будет.

— А ты её пивал, столишную-то? — хихикнул старик.

— Забижаешь, — ещё больше сдвинул брови Петька. — Што, мы с Федкой совсем ужо дякие, што ли?

— А может, мне это... — попытался встать на ноги Миколас.

— Сяди ужо, — придержал рукой художника старик, поняв его намерения. — Успеешь ищё до ветру. Сначала поручкайтесь. Это Петка с Федкой, братья близняковые. Петка старшой.

— На двадцать минут, — гордо расправился Петька.

— Во-во, — подтвердил Кузьма Силыч. — А ентот, Федка, младшой, с отставанием, значится.

— С каким таким отставанием? — вскочил на ноги Федька.

— Сядь, пяхух! — цыкнул на него Петька. — А то забыл, как в школе учился?

— А чё в школе? — обиженно забубнил в бороду Федька, опускаясь на траву. — Когдять енто было? Дык што, из-за ентого до старости в дурнях ходить, што ли?

— А енто Миколас, — не замечая возмущения Федьки, продолжал знакомить своих гостей старик. — По-нашему Микола, значится, будеть.

— Лях? — вновь нахмурился Петька и потянулся к банке. — Для ляха знакомки не станется.

— Не-е, — успокоил его Кузьма Силыч. — Наш ён, русской. Енто родители у яго ляхи или шведцы. Тьфу, забыл. Подсоби, Микола.

— Литовец по отцу, а по матери русский.

— Ну, ежели по батьке, тады ладно, — убрал руки от банки Петька. — В жисти всяко бывает. У нас вона с Федкой папаня, дык, вовсе старовойской народности, по морде тожа бородатый был, весь в нас. А по карактеру самый што ни на есть яврей, бросил маманьку, когдять нам и осимнацати ащё не было. И сгинул гдей-тоть без слуху и духу. А ты сам-то хто по жисти будешь?

— Художник. Портреты пишу.

— А-а, — многозначительно закивали Петька с Федькой. — А к нам в Шишки пошто?

— Да хочу лица местных жителей написать.
 — А-а, — вновь закивали братья. — А каво?
 — Так кого назовёте, того и напишу. Передовиков ваших. Доярок, пастухов, механизаторов.

— А-а, — разочарованно переглянулись Петька с Федькой. — Енто мимо.

— Чего мимо? — не понял Миколас.

— Нетуть у нас таковских.

— Каких таковских?

— Ну, доярков, ахрономов, мехнизаторов.

— А вы разве не механизаторы?

— Не-а, мы с Федкой трахтуристы, — отрицательно покачал головой Петька. — Мы по трахтурной части. Кому чаво привезть, ежели нужда стала.

— Давайте ужо сугреваться, — недовольно вмешался Кузьма Силыч. — А то совсем ужо простынем, чай, не солнце.

Знакомился Миколас со странными обитателями глухой стороны почти до утра, пока не кончилась трёхлитровая банка. И когда Федька, выделявая замысловатые кренделя, направился к трактору за второй банкой, столичный гость завалился на траву и тут же уснул. Проснувшись, Миколас повернул голову направо. Рядом на спине, раскинув руки и открыв рот, лежал то ли Петька, то ли Федька и раскатиисто храпел.

— Ты хто? — грозно прозвучало сверху.

— Я-то? — вздрогнул от неожиданности Миколас, увидев склонившегося над ним одного из трактористов. В руке близнеца был зажат топор.

— Ты-то, ты-то. Лях?

— Не-е, Петка. Ён с Москвы, ён Микола, — подал голос с крыльца своего дома Кузьма Силыч. — Ён мулеватель, мулевать приихал.

— А-а, — отступил от Миколаса Петька. — Мулеватель — енто хорошо. Нам с Федкой трахтур замулюет. Смогёшь?

— Смогу, — вытер выступивший на лбу пот Миколас.

— Ну, тады надоть выпить знакомки. Меня Петкой кличут, а енто Федка спит, вчерась, верно, напился.

— Не-не-не! — в ужасе запротестовал Миколас, увидев, как Петька зашагал к трактору.

— Молчи, Микола, — зашептал подошедший к нему Кузьма Силыч. — Знакомку надоть выпить, а то хужей будеть.

Петька принес очередную трёхлитровую банку самогона, и пиршество продолжилось. С этого момента Миколас Самсонавас практически полностью перестал ориентироваться в происходящем. Он пил, чем-то закусывал, пел песни, спорил, ругался, отключался, потом опять пил, закусывал, пел, танцевал, вырубался, приходил в себя, куда-то ехал, с кем-то знакомился, пил, закусывал, пел песни, ругался, дрался, танцевал, вырубался.

— Ты хто? — услышал Самсонавас в очередной раз, отрывая голову от стола.

— Я?

— Ну не я же!

— Микола. А ты хто?

— Я? — тупо посмотрел на него бородатый мужик.

— Ну не я ж.

— Петка.

— А знакомка хде?

— У Мирошки надоть поспрашать, — повернулся бородач в сторону русской печи. — Мирошка, хде знакомка?

Шторка над полатами раздвинулась, и оттуда вылезла здоровая заросшая физиономия ещё одного мужика. На мгновение Миколасу показалось что-то знакомое в этом лице. Будто он уже когда-то встречался с этим человеком. Но это хрупкое воспоминание тут же исчезло.

— Это ищё хто?

— Этоь Мирошка, брательник наш с Федкой. Недавноть нашёлся.

— Хде?

— Да ить здесья, около дому. Ишо до холодов прибулудился, — принял из рук Мирошки трёхлитровую банку Петька. — Дикой вот токмо малость. Усё молчит больше, а как выпьет, дык, заговаривает, и усё про талавизер чагой-то.

Услышав знакомое слово, Мирошка расплылся глупой улыбкой, закивал головой и выдал скороговоркой, жестикулируя руками:

— Талавизер, дырк, пр-р-р, хр-р-р, опа-па! Талавизер, дырк, пырк, вжик, опа-па! Талавизер, хр-р-р, опа-па! Мне!

— Видать, ён мастак у вас по талавизерам, эгэ-гэ, видать, в школе сдавал, — предположил Миколас и задумчиво посмотрел в окно. — Ужеть снег. Давно?

— Дён семь как, — поднял кружку самогонки Петька.

Выпив и закусив варёной картошкой, Миколас с силой потёр лоб, пытаясь удержать какие-то воспоминания, вновь промелькнувшие в его воспалённом мозгу.

— А я хто? — обратился он к Петьке после тщётной попытки восстановить память.

— Микола.

— А-а, — попытался встать из-за стола Миколас, но ноги не держали. — А хде я?

— У нас, в Шишках.

— А-а. А живу хде?

— Чичас узнаю, — наклонился под стол Петька и пнул кого-то ногой. — Федка, Микола чейный?

— Козимы Силыча сын, — раздалось из-под стола. — Мулеватель.

Миколас тоже нагнулся вниз. Под столом, свернувшись калачиком, лежал бородатый мужик — точная копия Петьки.

— А чаво я у вас делаю?

— Дык, трахтур приехал мулевать.

— Давно?

— Дык, можо, месяц, а можо, два. Хто его знат. С лета ты при нас, — кряхтя, вылез из-под стола и налил себе самогонки бородач. — Покась по всем Шишкам проехали да у всех сродственников наших Шишковых прогостевали, дык всё с нами был. Завтрась-послезавтрась к Козиме Силычу, батьку твоему, назад тябя отдадим. Жалкость, родимый со всем стал как Мирошка.

— А давай за жалкость споём, — предложил Петька, обнося всех самогоном, и первый затянул:

Эх, мороз, мороз,
Не морозь маня,
Не морозь маня,
Своово коня...

К дому Кузьмы Силыча уже почти по темноте подъехал вездеход. Из него выскочили четверо здоровенных мордovorотов и, суетливо озираясь, взбежали на крыльцо. Двое из них тут же скрылись в сенях. Через несколько минут один вернулся назад и проговорил в микрофон, скрытый в воротнике куртки: «Всё чисто, можно выходить». После этого разрешения дверца вездехода медленно открылась, и из него вылез наружу владелец банка, заключивший ещё летом с Миколоасом Самсонавасом договор на будущие картины художника.

За банкиром осторожно ступил в снег высокий худошавый мужчина, одетый в форменное пальто с прокурорскими петлицами.

— Чё, есть кто в хате? — обратился банкир к своему телохранителю.

— Только один старик.

— И всё?

— Больше никого.

— Ну, пойдём, Ягужинский, поспрошаем аборигена по поводу художника, — зашагал к дому банкир, приглашая за собой прокурора.

— Билл Иванович, вы точно уверены, что Самсонавас сюда направился?

— Точно, точно, Паша. Я ж тебе уже говорил, что водила — мой человек, отсюда откуда-то звонил летом в последний раз. А потом всё, как обрезало. Я особо не дёргался, мало ли, может, мобилу потерял. Но вот уже Новый год на носу, а о них ни слуху ни духу. Странно всё это.

Не отряхнув снег с обуви, оба прошли в кухню. За столом сидел Кузьма Силыч и спокойно рассматривал визитеров.

— Ну, старик, рассказывай, — присел на табуретку напротив деда банкир.

— Об чём? — достал из кармана кисет Кузьма Силыч.

— О художнике, что летом сюда картины рисовать приезжал.

— Дык, не было никого.

— Не свисти, старый, отсюда звонили, докладывали.

— Дык, у меня и талафону нетуть.

— Дурака не валяй, звонили с мобилы.

— С какой могилы? — испуганно отшатнулся в сторону Кузьма Силыч и перекрестился.

— Не дуркуй, батя, не прикидывайся, будто не знаешь, с какой такой мобилы, — встрял в разговор Ягужинский.

— Вот ты крест! — истово перекрестился Кузьма Силыч. — И знать не знаю ни про какую могилу. У нас в Шишках год как никто не мёр, слава тя господи. Усе Шишковы пока што жавые да здоровые, жавуть да вам жалають.

— Чего ты несёшь, старый? — перебил Кузьму Силыча банкир. — Какие Шишки, какие Шишковы? Что-то мы, кроме твоей развалюхи, никаких домов больше не встретили.

— Ну, дык, ня тою дорогою ехали.

— Мы вообще без всякой дороги сюда добирались.

— Ну, дык, занесло яё усю.

— Ладно, дед, короче, где художник Миколоас Самсонавас? — угрожающе надвинулся на Кузьму Силыча банкир.

— Дык, нема у нас таковских и отродясь не було. Микола исть, а Миколаса нема.

— Послушайте, Билл Иванович, а может, ну его, может, действительно не было тут никого, — вновь вмешался прокурор.

— Как не было, если последний звонок отсюда прошёл, — поднялся с табуретки и зло ударил сапогом ножку стола банкир. — Объяснить можешь?

— Ну, трудно, конечно, Билл Иванович, но попробую, — закурил «Парламент» прокурор. — Тут вот какое дело, места эти с недоброй славой ещё с давних времён. Много здесь народу сгнуло. А началось всё ещё с Ивана Сусанина, когда он где-то в этих лесах поляков сгубил. Вот с тех пор пришлые людишки в этом углу и пропадают. Из недавнего, помните, лет десять тому, замминистра сельского хозяйства Игнат Васильевич со свитой приезжал? Он ещё грозился эти уголья в бессрочную аренду китайцам отдать.

— Ну? — насупился банкир.

— Сгинул и сам, и свита, и всё сельское хозяйство. Так и не нашли. А ещё замминистра образования Аграфена Николаевна года три назад сунулась со своей модернизацией сельские школы закрывать. Помните?

— Ну.

— Школы успела закрыть, а сама сгнула.

— Не нашли?

— Нет, ни её саму, ни сопровождающих. Как в воду канули. Места после этого совсем глухие стали. Даже свои ездить сюда побаиваются.

— Подожди, подожди, — вытащил из своей куртки фляжку с коньяком банкир. — Так это, значит, и

министр здравоохранения Гавриил Алексеевич с министром культуры Ниной Андреевной тоже где-то здесь?

— Ну да, когда клубы с библиотеками да ФАПы закрывали, — взял из рук банкира фляжку прокурор. — Мы сюда и войска посылали прочёсывать. Бесплезно. Гиблые места, одно слово — сусанинские. Тут ещё кандидат в депутаты Дмитрий Пустовой тоже где-то сгинул.

— Точно, пропал он. Мы его финансово прикармливали. Уж больно сказки народу хорошо рассказывал про светлое будущее — заслушаешься. Вообще, чертовщина какая-то, — поёжился банкир и повернулся к Кузьме Силычу. — А про Миколу своего ты всё ж скажи, дед, где он у вас проживает.

— А тама, — махнул рукой старик в направлении леса. — Близко.

— Поихали, Ягужинский, проверкаем.

— А может, не стоит, Била Иваныч? Ну яго, мuleвателя энтого, — опасливо покосился на старика прокурор.

— Ехаем, Паня, ехаем, чуить моё сердешко, што свидимся вскорости с Миколою нашем, здеся ён, — уверенно шагнул за порог банкир.

Кузьма Силыч, кряхтя, поднялся с лавки, подошёл к шкафчику, достал оттуда литровую бутылку самогона, наполнил стакан и залпом его выпил.

— Эка хороша! — крякнул он от удовольствия и, глядя в окно на удаляющийся вездеход, задумчиво произнёс: — К Петке с Федкой супостаты поехали, к Сусаниным по матери...

ЛОСЬ

К деду Андрею Ивановичу на юбилей собралась вся родня: сыновья с жёнами, дочки с мужьями и внуков целый детский сад. Кто к празднику пешочком до дедовой избы дотопал, а кто и поездом добирался несколько суток. Пашка, к примеру, старший сынок, аж из самой Москвы приехал, шутка ли? А ещё на поздравление родня ближняя и дальняя стеклась. Сёстры, братья Андрея Ивановича, родные да двоюродные, за ними сёстры да братья бабки Лены, жены именинника, а там дружки закадычные да и просто соседи по улице. А коль улица на деревню Смирновку всего одна выстроилась, так можно прямо и сказать, что собрался у деда Андрея, почитай, весь народ, что в Смирновке проживал, человек за сто, а может, и под все двести, если с детишками высчитывать.

Ну, и ничего удивительного, ведь дед Андрей в большом почёте среди деревенских числился. В прежние времена агрономом в колхозе работал, а помимо профессии ещё и рыбак, каких поискать, да грибник заядлый. Ко всему прочему пасеку содержал единственную на всю деревню. Так что, если за медком для профилактики от всяких там хворостей,

ну, это, известное дело, к Иванычу, к кому же ещё? И не драл дед Андрей за лакомство в три шкуры, как в городе, кому и задарма мёду нальёт, если человек хороший или в бедности. А уж рыбак какой, тут и разговору нет, ас, да и только, корифей, хоть сейчас в академики. И о наживке всё до скрупулёзности выложит, и о снастях поделится, где какую рыбёху ловить да в какую погоду, обскажет, так что мужики к нему завсегда за советом, поскольку кто же в Смирновке не рыбак? Но Андрей Иванович всё же главный. А грибник каковский! Пойдут компанией в лес и лишь в опушку вступятся, его и нет уже. Все в корзинах только дно успеют прикрыть, а дед Андрей с полной навстречу идёт и в усы ухмыляется. И на спор не раз мужики руки били, кто быстрее грибов нарежет, да всяк Андрею Иванычу проигрывали.

Ну, во всём как будто Андрей Иванович мастак, но оказалось, что не во всём — охотник никакой. Тут и не его вина даже, просто в самой Смирновке вообще никто не охотился, как-то не заложились эта пристрастность в местных жителях. Рыбаки, ягодники, грибники — это да, а вот к охоте — с полным безразличием, и разговор о сём ни разу не заводился. А если б кто и завёл, поглядели бы на него, как на умалишённого, да и весь сказ.

Но как бы то ни было, а Андрей Иванович чашенько сны снил, как с двустволкой по лесу на медведя крадётся, и чем ближе к зверю подбирается, тем всё больше и больше душа обмирает, а сердце кололом в груди бьётся. А уж когда медведь вот он, рядом, стрельни только да тащи добычу домой, сон резко обрывался, и Андрей Иванович, весь потный, непременно вскрикивал и просыпался. Не давал, видимо, деду Андрею покоя тайный зов предков. Тайну эту про охоту жена Лена знала. Ну, а где жена знает, там и дети ведают.

Вот на юбилее Пашка и достал неожиданный подарок — ружьё-двустволку, купленное по случаю у спившегося горе-охотника. Все так и ахнули, а Андрей Иванович даже слезу пустил, так расчувствовался. Целый час ружьё главным объектом внимания было, каждому мужику подержать хоть с полминуты оружие требовалось, к плечу прижать, мушку навести. Ну, и разговоры под это дело охотничьи завязались, хоть на охоту отродясь никто в самой деревне не хаживал. Однако тут вдруг открылось, что и Николай, сосед, где-то на Дальнем Востоке медведя обкладывал, и Петро, брательник двоюродный, на волков на северах ходил, и даже Минька, деревенский пропитуха, зайцев десятками стреливал, когда на Урале срочную служил.

— Всё! — вскричал распалённый разговорами и спиртным Андрей Иванович. — Завтра спозаранку иду на охоту, на лося, вот! Кто со мной, полпятого сбор у ворот.

— А чего ж на лося-то, Иваныч? Мобуть, на медведя зараз? — расхрабрились мужики. — Медведок-